

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ВАСИЛИЙ БАЛУШОК,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Украинского фольклорно-этнографического центра при Институте искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Рыльского НАН Украины

Есть ли в Украине государственно-политическая традиция?

Abstract

According to the analysis of historical materials, in Ukraine, the state political tradition has been known since Kyiv Rus. It has been related to the Ukrainian political structures of state type and constant political particularity, especially as to foreign policy orientations. On the one hand, this tradition is an obstacle in the way of political centralization and balance of different governmental branches, on the other hand, it contributes to political democratic development.

Общепринятым сегодня является мнение, что Украина не имеет своей крепкой государственной традиции. Этим объясняют всяческие неурядицы и трудности в жизни нашего, как принято считать, молодого государства. В частности, речь идет о ситуации на властном Олимпе: несогласованности, противоречивости действий, а зачастую и прямой междоусобной борьбе между различными ветвями власти, существовании внутри каждой из них многочисленных политических группировок с противоположными ориентациями, “атаманщине” в политических партиях и т.п. Тем не менее, хотя это и может показаться на первый взгляд парадоксальным, по моему мнению, Украина имеет слишком сильную собственную государственную традицию, а очерченная выше ситуация как раз и является ее последствием. Не будучи политологом и не занимаясь специальными политологическими исследованиями, не буду настаивать на том, что изложенные ниже мысли во всем неопровержимы. Тем не

менее как этнолог, да еще и с “историческим уклоном”, все же осмелюсь высказать свою точку зрения на украинскую этническую традицию в области государственности.

Мысль о наличии в Украине собственной государственной традиции впервые возникла, когда я стал замечать поразительные параллели между “сеймовой демократией” Речи Посполитой времен ее расцвета и нашей сегодняшней политической жизнью (социальная подоплека политических режимов, конечно же, очень различна). Это стало для меня неожиданностью, ведь вторую половину XVI — первую половину XVII века от наших дней отделяет довольно большой отрезок времени, в течение которого Украина испытывала все большее давление российской политической традиции, сущность которой всегда составляли монархизм и централизм. Но когда я начал анализировать украинскую историю детальнее, то понял, что, во-первых, начиная со времен Киевской Руси и вплоть до XX столетия включительно для Украины было характерно *постоянное* существование собственных политических структур действительно государственного типа, а во-вторых, собственная украинская государственная жизнь *всегда* характеризовалась наличием политического партикуляризма — сосуществованием нескольких политических группировок или образований, которым *никогда* не удавалось уничтожить, победить или вполне подчинить противника и которые обычно имели различную внешне-политическую ориентацию.

Начать следует с Киевской Руси. Общеизвестно, что существование ее как централизованного государства быстро закончилось, и с XI–XII столетий начался период феодальной раздробленности. И хотя государство номинально считалось единым, возглавляемым единой правящей династией Рюриковичей, верховенство власти в нем осуществляло не одно лицо (Великий князь Киевский), а совокупность лиц, представлявших правящий княжеский род (так называемый коллективный сюзеренитет). На практике это выражалось в существовании целого ряда княжеств, которые были фактически самостоятельными организмами. Выделение их в самостоятельные политические единицы не было единовременным актом, их структура также претерпевала изменения. Тем не менее, главными на украинских землях были Киевское, Черниговское, Переяславское, Галицкое, Волынское княжества. На межкняжеском уровне, кроме все более номинальной власти Великого князя Киевского, действовали периодически созываемые княжеские съезды. Довольно обычной формой правления для Руси были дуумвираты и триумвираты главных князей [см.: 1]. Кроме того, вплоть до монгольского завоевания, а как пережиток и дольше, продолжало существовать давнее деление территории Киевской Руси на Русь в широком смысле и в узком, или собственно среднеприднепровскую Русь, Русскую землю. И это оказывало ощутимое влияние на политическую расстановку сил (притязания князей периферийных, но сильных княжеств на “причастие” в Русской земле; переяславский княжеский стол как своеобразный трамплин для получения киевского великокняжеского стола и т.д.). Взаимоотношения между отдельными княжествами постоянно изменялись, эволюционировали в направлении, которое еще в 1960-х годах подметил М.Брайчевский: “На территории Южной Руси явно обозначилась политическая коллизия, в наиболее ярком виде заявившая о себе накануне монгольского нашествия: в границах будущей Украины

явственно обозначились два политических интеграционных центра — западный (Галиция и Волынь) и восточный (Чернигов)” [2, с. 192].

Главными выразителями этих тенденций выступили местные субдинастии князей (в границах метадинастии Рюриковичей) — черниговские Ольговичи и волынские Романовичи — ветвь Мономаховичей, которая находилась в отношениях брачного родства с предыдущей субдинастией галицких Ростиславичей. Вообще же на территории Украины в тот период правили несколько княжеских субдинастий Рюриковичей и даже, предположительно, отдельных местных династий (Болоховская земля).

Кроме указанных политических структур, в Южной Руси возникли и, так сказать, “неофициальные”. Имею в виду объединения бродников-берладников — предшественников казачества, которые существовали практически в течение всей киеворусской эпохи и дали истории довольно сильные политические центры и движения (движение князя Ивана Берладника, упоминавшиеся в летописях мощные броднические группировки, в частности, времен монгольского нашествия и т.п.).

К названным собственно древнерусским — протоукраинским по этнической принадлежности — политическим структурам на территории Южной Руси следует добавить автономные политические образования черных клобуков и других “своих поганых” на южном порубежье (Киевское, Переяславское, Черниговское княжества).

Внутри княжеств и в то время также существовали, выражаясь современными терминами, различные ветви власти, взаимоотношения между которыми далеко не всегда были согласованными. Кроме князей и княжеских администраций, это, прежде всего, боярские советы и веча. О деятельности этих институтов, в частности, идущей наперекор действиям князей, мы узнаем из летописных сообщений относительно их участия (нередко решающего) в замене в том или ином городе князя на княжеском столе, в восстаниях и других коллизиях вроде тех, что имели место в Галиции при Ярославе Осмомысле и Данииле Романовиче (Галицком) [подр. см.: 3]. Следует отметить, что уже тогда политические структуры на территории Украины проявили тенденцию к различной внешнеполитической ориентации. Прежде всего речь идет о постоянных отношениях Галицких и Волынских князей с Польшей, Чехией, Венгрией и другими западными государствами. Черниговские Ольговичи больше всех южнорусских князей были связаны с половцами. Киев, а со временем и Галич имели традиционные связи с Константинополем. Отличались отношения тех или иных южнорусских князей и с северными и северо-восточными княжествами Руси — Ростово-Суздальским, Новгородским, Полоцким.

Все названные политические структуры и группировки, действуя, по обыкновению, вразнобой и зачастую вопреки друг другу, впрочем, не порождали ситуации политического хаоса, а наоборот, образовывали определенную систему, которая за время своего существования стала, собственно, традиционной, что и сказалось в последующие столетия.

Монгольское завоевание не внесло существенных изменений в политическую ситуацию на Руси, в частности, в Руси Южной, за исключением усиления тенденции к различным внешнеполитическим ориентациям разных княжеств, что впоследствии привело к инкорпорации украинских земель в состав различных европейских государств. Галицко-Волынское княжество все более вовлекается в политические отношения с Западом,

постепенно становится независимым от монголо-татар, а затем теряет независимость, будучи включенным при разных обстоятельствах в состав Польши, Литвы и (в меньшей степени) Венгрии. Другие же княжества попадают под ордынское верховенство. А поскольку Золотая Орда довольно быстро претерпела децентрализацию, то и князья, исходя из своих местных интересов, ориентировались на различные политические силы среди татарской верхушки. В XIV веке эти земли вошли в состав Великого княжества Литовского. И если на землях, подвластных Польше, собственные украинские государственные структуры прекратили существование, то иначе было в Литве. Присоединив к своему молодому государству белорусские и украинские земли, Литва, не имевшая такой давней государственной традиции, как Русь, вынуждена была сама приспособливаться к местным государственным порядкам. Это означало сохранение, в особенности на территории Украины, древних политических структур. Князья из династии Гедиминовичей, сменившие местных Рюриковичей, оказавшись в местной среде, приняв православие и вступив в браки с представительницами местных династий, быстро украинизировались. Поэтому в Украине в литовский период сохранялись удельные княжества (их князья даже чеканили собственную монету), но эти княжества имели именно украинский характер. Как известно, Киевское княжество просуществовало вплоть до 1470 года. В княжеской верхушке Великого княжества Литовского практически всегда существовало несколько группировок, которые постоянно оспаривали великокняжеский стол, влияние при дворе, отдельные земли и т.п., и всегда там существовала более или менее оппозиционная линия, представлявшая православную Русь, основой которой были украинские князья (Свидригайло, Олельковичи, Михаил Глинский).

К середине — второй половине XV века система удельных княжеств на украинских землях была ликвидирована. Но это опять же не означало исчезновения собственной украинской политической традиции, которую, как и ранее, продолжали олицетворять древние княжеские роды. Как отмечает Н.Яковенко, “княжеская доминация над подконтрольными территориями, в сущности, зафиксировала в новых формах их экстерриториальность относительно Великого княжества Литовского, когда уже не удельные князья-властители (как Свидригайло или Олельковичи), а 8–9 семей из числа так называемых княжат главных, то есть видных представителей аристократической элиты (Острожские, Заславские, Гольшанские-Дубровицкие, Збаражские, Вишневецкие, Корецкие, Чорторийские, Сангушки, Четвертинские), поделили между собой на зоны влияния поначалу Волынь, а дальше, выплеснувшись на юг, — и Центральную Украину” [4, с. 101]. Эти княжеские роды не только имели право экстерриториальности в своих гигантских по площади владениях, с настоящими княжескими дворами, сонмом слуг и вассалов, огромным войском, богатейшими сокровищницами и соответствующими инсигниями, но и постоянно занимали местные правительственные должности на Волыни и в Центральной Украине. Кроме того, отмена удельных княжеств в Украине совпала во времени с появлением казачества, которое с самого начала образовательно определенные организационные формы. А если учесть еще и древнюю броднико-берладническую традицию и многочисленные заимствования от татар, в частности и в политической сфере [см.: 5], то не стоит удивляться, что уже в XVI веке украинское казачество создало

собственную политическую организацию государственного типа — Запорожскую Сечь. Следует отметить, что казачество, к тому же в различных (в частности, территориально) вариантах, имела и Россия, но создать столь развитую политическую структуру государственного типа, как украинские казаки, оно не смогло. Это было в русле именно украинской, а не российской этнополитической традиции.

Продолжают сказываться в литовский период и различные внешнеполитические ориентации в среде украинских политических группировок, персонифицированных их предводителями — князьями (Свидригайлом, Михаилом Глинским, Дмитрием Вишневецким и др.), в частности, на Литву, Польшу, Московию, Тевтонский орден и т.п.

С образованием в 1569 году Речи Посполитой украинская политическая традиция не угасла. Вместе с тем в ней укрепилась ситуация партикуляризма. В новообразованном государстве фактически объединились несколько государственных образований различного уровня. Речь идет не только о существовании Литвы как отдельной автономной политической единицы, но и собственно об украинском Запорожье, которое все более крепчало, о казацких полках в Поднепровской Украине, которые, возникая, уже имели черты национальных украинских образований военнополитического типа, а также о существовании в границах Волыни, Брацлавщины и Киевщины отдельных украинских культурно-административных автономных единиц со своими князьями во главе. Как и в литовские времена, здесь заправляли “княжата главные”, безраздельно владевшие своими государствами в государстве, как оставаясь в границах собственных земельных владений, так и занимая высшие местные должности. “Ведь символом представлений о суверенности конкретной территории были (в тот период. — *В.Б.*) представители своей династии, даже подчиненные правителю другой (так называемой “великой”) державы” [4, с.122]. Украинский характер этих политических образований стал изменяться лишь с течением времени, когда князья, приобщаясь к культурно-политической жизни польской верхушки, начали полонизироваться, окатоличиваться и, соответственно, вводить в подвластных землях новые порядки.

Пребывание Украины в составе Речи Посполитой обогатило ее собственные традиции “вечевой демократии” еще и традициями “шляхетской демократии”, предусматривавшими равновесие королевской власти и шляхты, что проявлялось в существовании нескольких равносильных и равнодейственных ветвей власти и различных группировок внутри них (король и его администрация, центральные сеймы и региональные сеймики, различного рода объединения шляхты, конфедерации и рокоши). К этому следует добавить города-коммуны, которые согласно магдебургскому праву имели большую или меньшую автономию и также составляли отдельные образования политического типа.

Разнонаправленность внешнеполитических ориентаций украинских политических группировок была значительно затуманена в это время, ведь большинство земель Украины были объединены в границах относительно единого социально-политического метаорганизма. Но, как известно, кое-кто из руководителей украинских освободительных восстаний начала XVII века (Тарас Трясило, Яков Острянин) со своими казаками нашли приют именно во владениях Москвы.

Краткий период централизации во время Хмельнитчины и попытка Богдана Хмельницкого утвердить наследственную монархию [см.: 6] положения не изменили, поскольку сразу после смерти гетмана началась общеизвестная Руина, характеризовавшаяся едва ли не наибольшим расцветом политического партикуляризма в Украине. Причем векторы внешне-политических ориентаций многочисленных гетманов и полковников и, соответственно, возглавляемых ими государственных образований также были совершенно различными (на Россию, Польшу, Турцию, Швецию, Семиградье). Прекращение Руины при гетманстве Ивана Мазепы еще не означало ликвидации политической раздробленности в Украине. Ведь наряду с подросийской Гетманщиной, на Правобережье существовали подчиненные Польше казацкие полки (не будем упускать из виду известное соперничество Палия и Мазепы), а также Запорожье и подчиненные непосредственно российским властям слободские казацкие полки. В конце концов, традиция перманентного политического партикуляризма, крепко вошедшая уже в ментальность украинской старшины и казачества (да и посполитых также), была, полагаю, не последней причиной поражения движения Мазепы и мазепинцев.

После подавления последних попыток освобождения Украины из-под политической зависимости от России на ее землях до второй половины XVIII века продолжали существовать автономные и не подчиненные друг другу государственные образования — Гетманщина, Запорожье, слободские полки. Но и с их ликвидацией украинская политическая традиция и присущий ей партикуляризм не исчезают окончательно. Имею в виду Задунайскую Сечь (просуществовала до 1828 года), а также отдельные казацкие войска на службе Российской империи, которые в различной степени продолжали традиции Войска Запорожского: Азовское (просуществовало до 1865 года), Дунайское (позднее — Новороссийское, просуществовало до 1868 года) и Черноморское, на основе которого в 1861 году было образовано Кубанское войско. Последнее, как известно, существовало до 1917 года. И хотя, конечно, украинского государства как такового уже не было, тем не менее каждый украинец знал, что на Кубани есть восходящая еще к запорожцам относительно автономная украинская единица не только общественно-экономического, но и политического характера (наличие соответствующих властных органов — наказной атамана, казачья рада, клейноды).

Революция и гражданская война создали ситуацию, когда вновь возродилась угасшая было украинская традиция, а искры политического партикуляризма вспыхнули с новой силой. УНР, ЗУНР, УССР, Кубанская Народная Республика, недолговечные мелкие региональные государственные образования (Таврида, Донецко-Криворожская, Галицкая, Лемковская республики, Русская Крайна и т.п.), многочисленные атаманы со своими “государствами” (наибольшие из которых действительно играли роль государственных организмов) продолжили традицию украинской государственности и, вместе с тем, политической раздробленности. И не следует считать, что они возникли на пустом месте. Не только сознание украинской интеллектуальной элиты, которая, имея в руках такое мощное средство диахронной этнокультурной трансмиссии, как письменные памятники и литература, формировалось на почве культурно-идеологической и политической традиции предыдущей эпохи, но и ментальность

широких народных масс, полагаю, крепко удерживала стереотипы и государственности, и политического партикуляризма, и “вечевого” и “сеймовой демократии”. Не последнюю роль эти обстоятельства, вероятно, сыграли и в возникновении конфликтных ситуаций в руководящих кругах большинства вышеназванных государственных единиц. И снова в полную силу явила себя разновекторность политических ориентаций этих образований и их лидеров (на Антанту, Германию, Польшу, Советскую Россию и пр.).

После поражения Украинской революции указанные традиции продолжали существовать в среде украинской эмиграции, вместе с создаваемыми ею политическими организациями. И не случайно наиболее боеспособная из них — ОУН — очень быстро раскололась на враждующие между собой ОУН (б) и ОУН (м). С событиями Второй мировой войны, как мы знаем, связаны попытки этих и других вновь создаваемых политических организаций образовать на украинских землях определенные независимые государственные структуры (Карпатская Украина, акт восстановления Украинской Державы во Львове 30 июня 1941 года, движение ОУН–УПА).

Таким образом, считаю, что сегодняшняя политическая ситуация в Украине имеет очень древние корни. Еще со времен Киевской Руси здесь существует мощная традиция в государственно-политической сфере, важными составляющими которой являются политическая раздробленность и партикуляризм. Мы видим, что, в самом деле, в течение всего этого почти тысячелетнего отрезка времени в Украине практически постоянно существуют по несколько государственных образований или настоящих (де-факто, а то и де-юре) государств, которые и сами построены не на началах централизма, а на основе “вечево-сеймовой демократии”. Это можно определить как украинскую этническую государственно-политическую традицию, которая прочно вошла в ментальность украинского этноса. И так же, как централизаторско-монархическая традиция в России, с ее почти тысячелетней историей, является мощным тормозом становления в ней истинно демократического политического режима, в Украине очерченная государственно-политическая традиция тормозит процесс становления такого политического режима, который предусматривает надлежащий уровень централизации и синхронности украинской государственной традиции как таковой; эта традиция, как свидетельствует приведенный материал, существует уже весьма давно. Вместе с тем (ведь известно, что нет худа без добра), указанная традиция, по моему мнению, существенно облегчает Украине путь к демократии.

Литература

1. *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. — К., 1992.
2. *Брайчевський М.Ю.* Походження Русі. — К., 1968.
3. *Грушевський М.* Історія України-Русі. — К., 1992–1993. — Т. 2–3.
4. *Яковенко Н.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. — К., 1997.
5. *Дашкевич Я.* Україна на межі між Сходом і Заходом (XIV–XVIII ст.) // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. — 1991. — Т.ССXXII.
6. *Дашкевич Я.* Клан Хмельницького // Родовід. — 1992. — № 4.